

Глава 539: Старая, обижающая молодых

Стена академии бесшумно рухнула, и старая даосская монахиня вошла через брешь.

С ее шагами несравненно могущественное ци, несущее мощь океана, вмиг окружило всю Ортодоксальную Академию.

Студенты в общежитиях все еще спали, а кавалерия Ортодоксии в боковом дворе тоже не почувствовала этого.

Чэнь Чаншэн и другие в доме почувствовали это в первое же мгновение, потому что старая даосская монахиня как раз хотела разбудить их, чтобы они запомнили события, которые последуют за этим.

Они открыли глаза и почувствовали ту холодную ауру молчаливого вымирания. Казалось, как будто они упали в холодный ледяной домик, и любая сонливость тут же исчезла.

Окна дома были открыты одно за другим, из которых выглянули их молодые лица.

Они посмотрели на старую даосскую монахиню на другой стороне озера.

В тот миг, когда они обратили взгляд на старую даосскую монахиню, аура вымирания превратилась в ауру смерти и нескончаемого страха.

Старая даосская монахиня была слишком могущественной, настолько могущественной, что они находили трудным даже собрать волю сопротивляться.

Когда он увидел старую даосскую монахиню, Танг Тридцать Шесть подумал о том времени, когда его дедушка разозлился - весь город Вэньшуй встряхнуло трижды. Чжэсю подумал о том времени, когда был молод, недолго после того, как его выгнали из племени, когда он увидел с расстояния громадного Свергающего Горы Беса, а также ту низкую, но абсолютно ужасающую фигуру, которая сидела на его голове.

Лицо Су Моюй стало ненормально бледным, потому что он знал, кем была эта старая даосская монахиня.

В это время Чэнь Чаншэн очень естественно подумал о той буре в городе Сюньян. Затем он в шоке осознал, что эта даосская няня была экспертом такого уровня.

Логически говоря, учитывая текущий статус Чэнь Чаншэна, никто не посмеет действовать против него в столице. Но сейчас у него не было этой самоуверенности, потому что эта старая даосская монахиня не была обычным человеком. Даже Поп должен был проявить к ней немного уважения. Более того, в настоящее время от нее исходило экстремальное чувство уничтожающего вымирания.

Тысячи горных птиц летали - все пропали, тысячи протоптанных людьми тропок - все исчезли.

Она рассматривала все живое в мире, как свиней и собак. Кого же она не посмеет убить?

В это время раздался голос Су Моюя. Он в шоке спросил старую даосскую монахиню: «Тетушка, что вы планируете делать?»

Услышав это, Чэнь Чаншэн и остальные наконец-то подтвердили свои догадки и поняли идентичность пришедшего человека.

Выражение лица Танга Тридцать Шесть не изменилось, но его пальцы на подоконнике немного побледнели.

Лицо Чжэсю не изменилось, но пальцы его правой руки уже начали отпускать трость и сжимать рукоять меча.

Она наконец-то пришла. Несравненный эксперт, который опекал своего сына, прикрывал недостатки других, был раздражительным, склонным к убийствам, и был известен за свои изменения настроения, наконец-то прибыл.

Уцюн Би, единственная женщина из Штормов Восьми Направлений.

Ее мужа звали Бе Янхуном, он тоже был Штормом Восьми Направлений.

У них был лишь один сын, которого звали Бе Тяньсинь.

Можно было представить, как воспитывался единственный сын двух из Восьми Штормов.

Бе Тяньсинь всю свою жизнь жил, дрейфуя с ветром и течениями, пока несколько месяцев назад не встретился с Чэнь Чаншэном и Тангом Тридцать Шесть перед Ортодоксальной Академией.

В то время Су Моюй предупредил их, что Ортодоксальная Академия может столкнуться с подобными неприятностями.

Чэнь Чаншэн не был согласен, думая, что Ортодоксальная Академия не сделала ничего чрезмерного Бе Тяньсиню. Учитывая статус и позицию Уцюн Би, для нее не было необходимости усложнять всё для них.

Лишь сейчас, увидев ту старую даосскую монахиню напротив озера, он наконец-то понял, что не все люди высоко вверху были людьми, которые превзошли мир, что не у всех из них был склад мышления, который прорывался через светский мир.

«Госпожа... входящая в Ортодоксальную Академию посреди ночи, я прошу учений, которые вы хотите передать».

Он смотрел на даосскую монахиню, его голос был стойким, когда он спрашивал.

Юноша был Директором Ортодоксальной Академии, назначенным преемником Попа. Полагаясь лишь на его статус, он вовсе не был ниже этой старой даосской монахини, так что, когда он говорил, он говорил с сильным самообладанием.

Старая даосская монахиня с апатичным видом спросила: «Ты Чэнь Чаншэн?»

С тех пор, как он прибыл в столицу из Синин, Чэнь Чаншэн слышал подобный вопрос бесчисленное количество раз.

Временами он был сильно раздражен, как при столкновении с тем Стражем Монолита в Мавзолее Книг. В другие времена это была честь, как, когда он встретился с Чжу Ло у города Ханьцю.

Старая даосская монахиня, которая задавала этот вопрос, имела тот же статус, что и Чжу Ло, но он знал, что это определенно не была честь, а опасность.

С безразличным выражением лица, уже решив жизнь и смерть, старая даосская монахиня заявила: «Через мгновение я начну убивать этого человека».

Когда она говорила, она смотрела на Чэнь Чаншэна и указывала на спину Сюаньюань По.

Тело Сюаньюань По немного дрожало, но под этим несравненно ужасающим давлением он нашел просто невозможным развернуться или убежать.

«Я также сделаю несколько вещей, чтобы вы все увидели».

В это время старая даосская монахиня даже не взглянула на Сюаньюань По и руины кухни.

В ее глазах Сюаньюань По уже был мертвецом.

Сегодня она уже составила множество планов для этих молодых людей Ортодоксальной Академии и решила их жизни.

Чжэсю был сильно почитаем Божественными Генералами Армии Великой Чжоу, так что этот волчонок лишь пострадает от тяжелых ранений. Будет достаточно отрезать руку или ногу.

Она не будет убивать Чэнь Чаншэна или Танга Тридцать Шесть, потому что даже кто-то настолько могущественный, как она, не желал оскорблять Ортодоксию или Вэньшуй Тангов.

Но это не означало, что она позволит им уйти.

Она избьет Чжэсю до состояния калеки перед их глазами, а затем медленно убьет этого юношу-оборотня.

Она хотела, чтобы они видели, как кровь их друзей окрасит это место, пока они будут бессильны действовать.

Она хотела, чтобы они поняли, что подразумевалось под истинной беспомощностью, истинным отчаянием.

Она верила, что впоследствии их жизни будут больше наполнены страданием, чем, если бы они умерли.

Это было очень хорошо. Она пришла с целью проучить их, так что глубоко запечатлит в их разум незабываемое воспоминание.

Что касается того, будут ли эти молодые люди Ортодоксальной Академии сопротивляться... она даже не рассматривала этот вопрос. Говорят, что эти молодые люди все были истинными гениями, ну и что? Игнорируя Провозглашение Лазурных Небес или Провозглашение Золотого Различия, если бы они были такими юниорами, как Ван По или Сяо Чжан, она могла бы взглянуть на них одним или двумя взглядами, но чего стоили эти молодые люди?

Да, если бы это были какие-то другие молодые люди, то, почувствовав настолько могущественное и пугающее ци, и особенно узнав идентичность этой старой даосской монахини, они, вероятно, отказались бы от сопротивления просто потому, что не были ее соперниками. Если они были птенцами орла, то старая даосская монахиня была леденящей высью, если они были тигрятами, старая даосская монахиня была бездонно глубоким ущельем.

Однако, они не были другими молодыми людьми, они были молодыми людьми Ортодоксальной Академии.

В городе Сюньян Чэнь Чаншэн посмел орудовать мечом против Чжу Ло. На снежных равнинах Чжэсю посмел сверкать своими яростными зубами против демонов. Когда ему было три года, Танг Танг посмел помочиться на лицо Старого Главы Тангов. После попадания в столицу Сюаньюань По посмел ударить Тяньхай Я'эра.

В любом случае, если у них не было средств победить несмотря ни на что, то они не должны сражаться? Это не была их логика. С их точки зрения, так как они не могли победить, чтобы они не делали, было лишь естественно, что сперва они сразятся. Если они не могли победить? И что? Если они искали смерти, то они будут искать жизнь среди смерти.

Юноши начали готовиться к битве, каждый со своими собственными методами боя.

Трость лежала в тени земли, Чжэсю стоял в тени окна. Его лицо было полностью скрыто тенью, которая прятала его кровавые глаза, его прочную волчью шерсть и острые когти. Он тихо смотрел на старую даосскую монахиню, его правая рука сжимала полусломанный Меч Командира Демонов, настолько спокойно и безразлично, что порождало страх в других.

Танг Тридцать Шесть применил немного силы в ладонях, заставив подоконник хрустнуть. С несколькими странными звуками несколько фейерверков выстрелило в небо дрейфующего снега. Как оказывается, он установил несколько механизмов в Ортодоксальной Академии. Это был его способ сражения. При столкновении с настолько ужасающим врагом, первое, что он сделал, это, естественно, отправил несколько предупредительных фейерверков. Местом, ближайшим к академии, был Имперский Дворец, и Сюэ Синчуань наиболее вероятно поспешит так быстро, как это возможно. Что касается тех экспертов, которых Вэньшуй Танги в тайне прислали охранять его, они должны появиться еще раньше. Конечно же, даже если Божественный Генерал второго ранга и Стражи клана Вэньшуй Тангов будут работать вместе, они не смогут сравниться с этой старой даосской монахиней, но он не думал, что эта старая даосская монахиня посмеет совершать убийства под взглядами тысяч людей.

Су Моюй с бледным лицом смотрел на даосскую монахиню и спросил дрожащим голосом: «Тетушка, вы действительно хотите, чтобы две семьи рассорились и стали врагами?»

Чэнь Чаншэн смотрел на старую даосскую монахиню, не собираясь использовать десять тысяч мечей в ножнах или Монолиты Небесных Томов, а вместо этого держа письмо в руке. Он знал, что насколько бы отчаянно они не сражались, они даже не были достойны одного пальца этой даосской монахини. Юноша лишь мог надеяться, что письмо Су Ли продемонстрирует свое применение.

С несколькими невероятно слабыми звуками тушения, прежде, чем предупредительные фейерверки смогли выпустить свой свет, они исчезли без следа.

Лицо Танга Тридцать Шесть изобразило неприятное выражение. Это был первый раз, когда он сталкивался с экспертом такого уровня. Теперь он понимал, что все эти планы и задумки относительно сражения и человеческого разума были совершенно бессмысленны перед лицом таких оппонентов. Эти люди уже превзошли смертный мир, как их можно было пленить мудростью?

Чэнь Чаншэн усилил хватку письма, его настроение было довольно мрачным.

Вдруг казалось бы забытый Сюаньюань По, уже помеченный мертвецом старой даосской монахиней, начал двигаться.

Он медленно развернулся в руинах кухни и с большим трудом медленно поднял меч в руках.

Он был ближе всех в стене академии, ближе всех к даосской монахиня, и мог лучше других чувствовать ци уничтожающего вымирания, переживая величайшее давление.

Когда Чэнь Чаншэн, Чжэсю и другие собирались сражаться, он все еще сопротивлялся этому давлению.

В конечном итоге он наконец-то смог развернуться и поднять меч.

Чтобы противостоять ужасающему эксперту, которым была старая даосская монахиня, чтобы превзойти внутренний страх смерти, Сюаньюань По использовал всю свою храбрость.

Такое простое действие полностью поглотило всю его силу и дух.

Он непосредственно предстал лицом к лицу перед старой даосской монахиней, все его тело непрерывно дрожало, как будто он только начинал восстанавливаться от какой-то серьезной болезни. Меч в его руках был таким же, шатаясь, как будто вот-вот упадет.

Он уже продемонстрировал достаточно храбрости, но как он мог сражаться, как он мог орудовать мечом?

Старая даосская монахиня в первый раз посмотрела прямо на Сюаньюань По.

Его глаза выдали нескончаемое, безграничное презрение и отсутствие уважения.

Логически говоря, исключительные эксперты на уровне Штормов Восьми Направлений не стали бы унижать младших членов молодого поколения.

Но сегодня она пришла с единственной целью унижить Ортодоксальную Академию.

Сюаньюань По был юношей-медведем. Он придавал особое внимание рыцарству и чести, и более других не мог выдержать унижения.

Его лицо покраснело, в несколько незрелом его облике проступила решимость. Держа меч двуручным хватом, он с громким криком взмахнул им, нанося по старой даосской монахиня рубящий удар!

Звук свистящих ветров вырвался из дома, когда Чжэсю, как серая тень, вмиг перепрыгнул через ледяную поверхность озера и прибыл на другую сторону.

Фигура Чэнь Чаншэна исчезла, когда он использовал Шаг Еши. Неся частички снега из леса, он поспешил к спине Сюаньюань По. Его две руки сжались, и он собрался разорвать письмо.

Лицо Су Моюй выдало выражение решительности, и он протянул руку под рубашку.

Танг Тридцать Шесть действовал последним, но его голос прибыл первым:

«Уцюн Би, ... тебя!»

.....

.....

<http://tl.rulate.ru/book/1222/149985>